

Текст · 2 июля 2020, 13:01
Анастасия Ясеницкая, Дмитрий Сидоров,

Почти святой. Как уральский схиигумен Сергей побеждает чипирование и изгоняет айфон

День I. Просим сменить гнев на милость

Посреди Серовского тракта возвышается огромный поклонный крест: «Господи благослови». Слева от него — съезд в сторону самого молодого и крупнейшего на Урале Среднеуральского женского монастыря, где окопался мятежный схиигумен Сергей, проклявший митрополита, патриарха и светскую власть за пораженчество перед коронавирусом.

Сворачиваю с Серовского тракта пешком — таксиста попросил остановиться сильно заранее. Близ поворота сразу — дозорная будка. Понять, есть ли кто-то внутри, невозможно. Чуть дальше — железнодорожный вагон и скрытые за ним палатки с табличкой «Вход без благословения воспрещен». У величественных въездных ворот, украшенных образом Богородицы — Спорительницы хлебов, тоже вагончик, внутри видно казака.

Стараясь как можно увереннее его игнорировать, подхожу к воротам, совершаю крестное знамение и поясной поклон, прохожу внутрь.

Монастырь встречает стройкой. Повсюду штабели кирпичей и балок, мешки щебня, песка и гравия, ряды разнообразной строительной техники. К

трем действующим храмам достраивают еще два, гигантский и поменьше, первый уже с надетыми куполами, перед вторым купола еще только ждут водружения.

Четырехэтажный жилой корпус, животноводческая ферма, тепличное хозяйство, пасека и дюжина спрятанных в лесу ладных уютных домиков — видимо, для VIP-паломников. Где-то в жилом корпусе — еще интернат для детей-сирот и больница для онкобольных.

На главной площади — 15-метровый крест, статуя Иисуса Христа и «Меч покаяния», из рукояти которого вылетают православные воины и герои. Отдельно, в самой центральной точке — бюст царя Николая II.

Въезд на территорию Среднеуральского женского монастыря. Фото: Павел Лисицын / РИА Новости

Обитатели этого места — монахини, паломники, дети — выглядят безмятежно. Об осадном положении напоминают только казаки, невооруженные,

но очевидно несущие дозор. Схиигумен Сергей прогуливается сквозь уголья по-хозяйски, погруженный в беседу с мирянином. Подхожу — и он вытягивает для поцелуя жилистую руку. Припадаю к ней.

— Здравствуйте, батюшка...

— Служба уже идет! — резко прерывает Сергей и отводит в сторону руку, как бы прогоняя меня, — и указывает сухим пальцем в сторону Храма в Честь Святой Троицы. Молитвенное пение из него разносится по всему монастырю через расставленные по территории динамики. Больше схимник не говорит мне ни слова.

Внутри храма — под сотню человек, в основном монахини, но есть и несколько казаков, отбивающих после крестного знамения поясной поклон, полностью, касаясь пальцами земли. Служит вечерню не Сергей, а прикрепленные к монастырю иеромонах Иоанн (Иванов) и иерей Сергей Берестов. Очередь на елеопомазание^[1] выстраивается вдоль двух икон и раки с мощами — и каждый в очереди прикладывается, оставляя на защитных экранах разводы от губ.

Завершается пятичасовая служба крестным ходом с иконами царской семьи и с молитвой «Царю Небесный» по территории вокруг храма. Вываливаюсь из потока на центральную площадь, и спрашиваю: слышал, мол, тут подписи собирают в поддержку батюшки, а что, а к кому идти. Инок из соседнего Иоанно-Богословского мужского скита

советует обратиться к главе канцелярии монастыря матери Татьяне и молиться за схиигумена в храме.

Нахожу мать Татьяну на рабочем месте на втором этаже жилого корпуса. Она холодно отрезает: «Нет. Если кто-то подпиши [в поддержку отца Сергия] и собирает, это не монастырь». Неужели недовольна происходящим?

Встречаю казака в камуфляже и берцах — тот сразу диктует, что полагается писать:

— Уважаемый патриарх, митрополит, я являюсь христианином по духу, по воле, я и моя семья являемся христианами. Неоднократно мы общаемся с отцом Сергием, и просим разъяснить ситуацию. Просим сменить гнев на милость. За что так его? Он же всю правду говорит. Просим, чтобы разрешили служить ему, чтобы [мы могли] приходить к нему, исповедоваться, причащаться с его рук. Слушай, брат, извини, спаси Господи.

Охранник у въезда в Среднеуральский женский монастырь. Фото: Павел Лисицын / РИА Новости

Огибаю территорию монастыря через заднюю лесную тропу, и выхожу обратно к воротам. Из них на меня выезжает облезлая синяя «десятка», внутри — бородатый казак.

— Это вы там с трассы пешком пришли? — спрашивает он, и я понимаю, что «вели» меня, видимо, с самого поворота с тракта.

— Да...

— Отец Сергей благословил вас тут оставаться?

— Я не успел с ним поговорить.

— Тогда, к сожалению, вам придется уехать. До свидания.

Электронный лагерь сатаны

Основатель и духовник Среднеуральского женского монастыря Схиигумен Сергей — одна из заметных фигур уральского духовенства. Схимник известен как энергичный устроитель монастырей, экзорцист и идеолог «царебожников» — православного течения, сторонники которого убеждены в особой роли убитого царя Николая II как искупителя грехов русского народа. В 2017 году последователи этого движения прославились борьбой с фильмом «Матильда».

Схиигумен Сергей с Натальей Поклонской. Скриншот из видео / Движение Царский Крест

После присоединения Крыма Сергея называли в прессе духовником экс-прокурора полуострова Натальи Поклонской, она это отвергает. Но в 2020 году схимник станет известен как мятежный клирик, выступивший против светских и церковных властей.

Еще в конце марта Патриарх московский и всея Руси Кирилл призвал верующих воздержаться от посещения храмов во время эпидемии коронавируса. Позже на Пасху часть регионов закрыли церкви для прихожан по предписанию санитарных властей. Отец Сергей жестко раскритиковал «режим самоизоляции» и другие ограничения, введенные из-за эпидемии коронавируса. Проповеди схимника публиковались на ютубе.

На одном из видео Сергей, читая с листа, призвал прихожан не бояться выходить на улицу из-за «псевдопандемии» и проклял всех, кто причастен к закрытию церквей^[2]. По мнению схимника, эпидемию срежиссировало мировое правительство, а Швеция и Австрия ^[3] не стали изолироваться,

так как в этих странах находится «жидомасонский капитал». Схиигумен также предрек скорый приход Антихриста и массовую чипизацию населения, после которой людей определят в «электронный лагерь Сатаны».

Из-за высказываний Сергия на схимника составили протокол о распространении фейковой информации (часть 9 статьи 13.15 КоАП). Также Центр «Э» по Свердловской области усмотрел в действиях схиигумена признаки возбуждения ненависти или вражды (статья 20.3.1 КоАП) и направил материалы проверки в прокуратуру.

В Екатеринбургской епархии публично открестились от заявлений Сергия и заверили, что не разделяют его позиции. В качестве меры воздействия церковное начальство наложило на священнослужителя запрет проповедовать и высказываться публично.

Но уже в конце мая Сергей записал новое видео, которое назвал не проповедью, а «беседой с душой русского народа». В ролике схиигумен призвал остальных священников открыть храмы. «Служите по-старому, без дезинфекции лжицы^[4] и протирания. Как может победитель смерти Христос передавать смерть?», — взывал монах.

По словам Сергия, в вакцинах от коронавируса «будут чипы», которые для большинства станут смертельными. Однако силовому руководству страны вживят чипы «без смертельного исхода». «Через чипированных руководителей будет действовать

искусственный интеллект без жалости и сострадания», — настаивает Сергей.

Сразу после публикации видео епархия запретила Сергию совершать службы в храмах, причащать и исповедовать. Также церковное руководство наказало схимнику не покидать без разрешения территорию Иоанно-Богословского мужского скита, расположенного по другую сторону от женского монастыря.

Схиигумен снова ослушался и продолжил служить в Среднеуральском монастыре. «Вам придется нас выгнать из монастыря с полицией и Росгвардией», — заявил он в своем новом видео. За силовой поддержкой схиигумен обратился к «доблестному казачеству». Обитель окружили «мужчины крепкого телосложения», которые пускают внутрь только паломников.

Схиигумен Сергей с прихожанами. Фото: Владислав Лоншаков / Коммерсант

Не пустили в обитель и протоиерея Георгия Викторова: епархия отправила священника в монастырь, чтобы совершать канонические богослужения, так как официально службы Сергия считаются безблагодатными. Вместе с Викторовым монастырь покинули несколько монахинь и игуменья Варвара (Крыгина), духовное чадо отца Сергия и, до последнего времени, его активная сторонница.

«Из дома матери Божьей я никуда не уйду. Совесть меня не обличает, на сердце спокойно. Им, то есть священноначалию, митрополиту Кириллу, придется брать монастырь штурмом», — сказал отец Сергей на первом заседании церковного суда, которое состоялось 15 июня. Речь он подготовил заранее: обвинил церковное руководство, митрополита и патриарха в «предательстве веры» из-за подчинения санитарным властям и спешно покинул суд.

Второе заседание назначили на 26 июня, но на него схимник не явился. Глава отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ Екатеринбургской епархии Максим Миняло сказал после него журналистам, что в епархии надеются на «наилучшее разрешение» ситуации. «Мы призываем его встать на путь покаяния и уйти с того опасного пути, на котором он сегодня находится. Этот путь отторжения от Русской православной церкви», — сказал клирик. Следующее заседание церковного суда назначили на 3 июля.

«На мой взгляд, совершенно безошибочное поведение епархии в этой ситуации, по-настоящему христианское, с призывом к молитве, — говорит

директор екатеринбургского "Музея Святости" Оксана Иванова, — Ведь епархия не позволяет себе каких-то резких или негативных оценок в отношении отца Сергия. Поэтому он, бедолага, все градус повышает, повышает, повышает, чем больше он градус повышает, тем больше по всем вотсап-группам: "Молимся, молимся, молимся о любви о мире"».

По словам Ивановой, отрицая епископат, Сергей «отрицает самого себя», так как церковная власть и сделала его священником.

День II. Грешная тележка

На второй день монастырь встречает колокольным перезвоном, поглощающим все остальные звуки и пространство — я приехал к самому началу службы. На территории практически пусто, встречаю только одного из вчерашних казаков — седого и в берцах. Он молча жмет мне руку, дважды «целует» в обе щеки (не до конца, может, боится вируса), и отправляется дальше на дозор. Я иду в храм.

Служба еще масштабнее и торжественнее, чем вчера. Здание набито практически битком, но служит вновь не Сергей. Выхожу из храма в его поисках — и благословения остаться здесь на ночь. Нахожу двух казаков, толстого и тонкого, которым как раз нужно передать ему что-то важное. Они ведут меня вглубь территории, за храм Казанской Божьей Матери, в квартал отдельных жилых коттеджей.

Схимник отдыхает на скамейке у собственной добротной двухэтажной усадьбы — где-то внутри нее та самая «келья» Сергия с гробом и портретом

Сталина. Обсуждать важные дела в присутствии незнакомца казаки и их духовник не спешат, поэтому меня со своей просьбой пропускают вперед.

Схиигумен Сергей в своей келье. Фото: URA.RU / ТАСС

— Батюшка, — хватаю его костлявую руку, — разрешите остаться на ночную молитву?

— Сегодня разве есть она? — вздыхает бровь Сергей, и тем же движением руки посылает меня прочь. — Это не ко мне. Иди к отцу Иоанну.

Бюрократия благословений устроена сложнее, чем я думал. Когда возвращаюсь на службу, отца Иоанна и исповедной очереди к нему уже нет. Но остался отец Сергей Берестов. Часовая очередь — и прошу благословение на ночную молитву у него.

— Молиться хочешь? Конечно, благословляю, — улыбается батюшка.

После уже привычного завершительного крестного хода с царской семьей иду трапезничать, за столом сидят другие паломники. «Ну что нам, биться с ними, что ли, придется?» — спрашивает одна женщина другую. Вторая рассказывает, что «они» специально подбрасывают в храмы «капсулы с коронавирусом», чтобы заражать верующих. О ком речь, выяснить не удалось.

В ожидании ночной службы, стартующей в половину одиннадцатого, слоняюсь по главной площади. Местные дети играют на перилах паперти храма — замирают в противоположных концах и говорят: «Я памятник».

С другой стороны площади три девочки тягают тяжеленные, больше их самих, тачки с коробками. От помощи отказываются. Через несколько метров одна из коробок с грохотом выпадает. «Грешная тележка!» — восклицает одна из девочек. «Давай передохнем? Давай, а?» — упрашивает вторая.

От уральского лета — на улице 11 градусов тепла — захожу укрыться в предбанник трапезной для монахинь в здании храма Казанской иконы Божьей Матери. Из трапезного зала тоже слышно молитву. Помимо меня, ночную службу тут ждет благостного вида старушка с клюкой.

Галине Петровне 84 года, она из Коркино Челябинской области. Активная прихожанка — была в храме в родном городе на Пасху, на Троицу, причащается каждое воскресенье. В Среднеуральский монастырь приехала автобусным паломническим туром из Челябинской области — всего их 26 человек.

На ночь монастырь размещает гостей на полу храма Спорительницы хлебов, на пенках. Раньше, зимой, давали еще и одеяла и подушки, но сейчас говорят — нету. Но это не страшно. «Спать-то тут кого? В два служба закончится, а в пять утра уже подъем. Это так, полежать, отдохнуть», — говорит Галина.

В предыдущий по туру Богородице-Табынский монастырь группу Галины не пустили: «Вирius-то этот». Другое дело отец Сергей — пустит всегда.

Никакого коронавируса, считает Галина, нет: «Простынешь — вот тебе и вирус. А не простынешь — здоровым будешь. А умирают [те], кто туберкулезом или чем там болеет». Отец Сергей, уверена она, говорит все правильно: «Это все политика, чтобы закрыть церкви опять, вот че они хотят».

— А чего, батюшку-то судить будут? — интересуется старушка, — Че-то там в автобусе рассказывали, но я ничего не поняла. После суда, наверное, возьмут да и закроют [монастырь]?

— Думаю, просто так он монастырь никому не отдаст. Подерется за него.

— Пройдет этот вирус. Не будет же он вечно. По телевизору слышала, что до конца месяца еще продлили. А дальше — все.

Поднимаемся в церковь. Вскоре туда заходит отец Иоанн и направляется за придел. Оттуда доносится его редкий сухой кашель. Начинается служба. Идет она до двух ночи, в церквушке скапливаются около 30 человек. Одна из монахинь не отходит от большой

иконы с царской семьей, занимающей всю стену, — самозабвенно крестится, кланяется и целует ее все ночь. Завершается служба причащением — с одной лжицы — и проповедью об апостолах Варфоломее и Варнаве, уничтоживших громадного монстра ехидну силами своих молитв.

«20 лет я знаю отца Сергия», — говорит мне прихожанка Ирина. Ей около 50, она работает медицинским работником, живет в Екатеринбурге. Стала прихожанкой Сергия, когда он «начинал строить храм на Ганиной яме^[5]» в начале нулевых годов — и последовала за ним, когда он основал посреди голого леса Среднеуральский женский монастырь. «Отец Сергей для нас — это все. Мы его все поддерживаем. Он — почти святой. Без отца Сергия мы вообще не будем здесь ни в храм ходить, ни служить», — объясняет Ирина.

Особенно Ирину впечатляют проводимые отцом Сергием отчитки. На них она оставалась не раз, ночуя перед этим на полу храма на пенке. «Такая специальная служба, где бесов изгоняют. Это, знаете, это страшное действо. Если отца Сергия не будет, кто будет этим заниматься?» — задается вопросом паломница. По ее мнению, схиигумен «добрый человек, всех любит», но главное в нем то, что он «прозорливец»: «Отец Сергей видит твоё прошлое, будущее и настоящее».

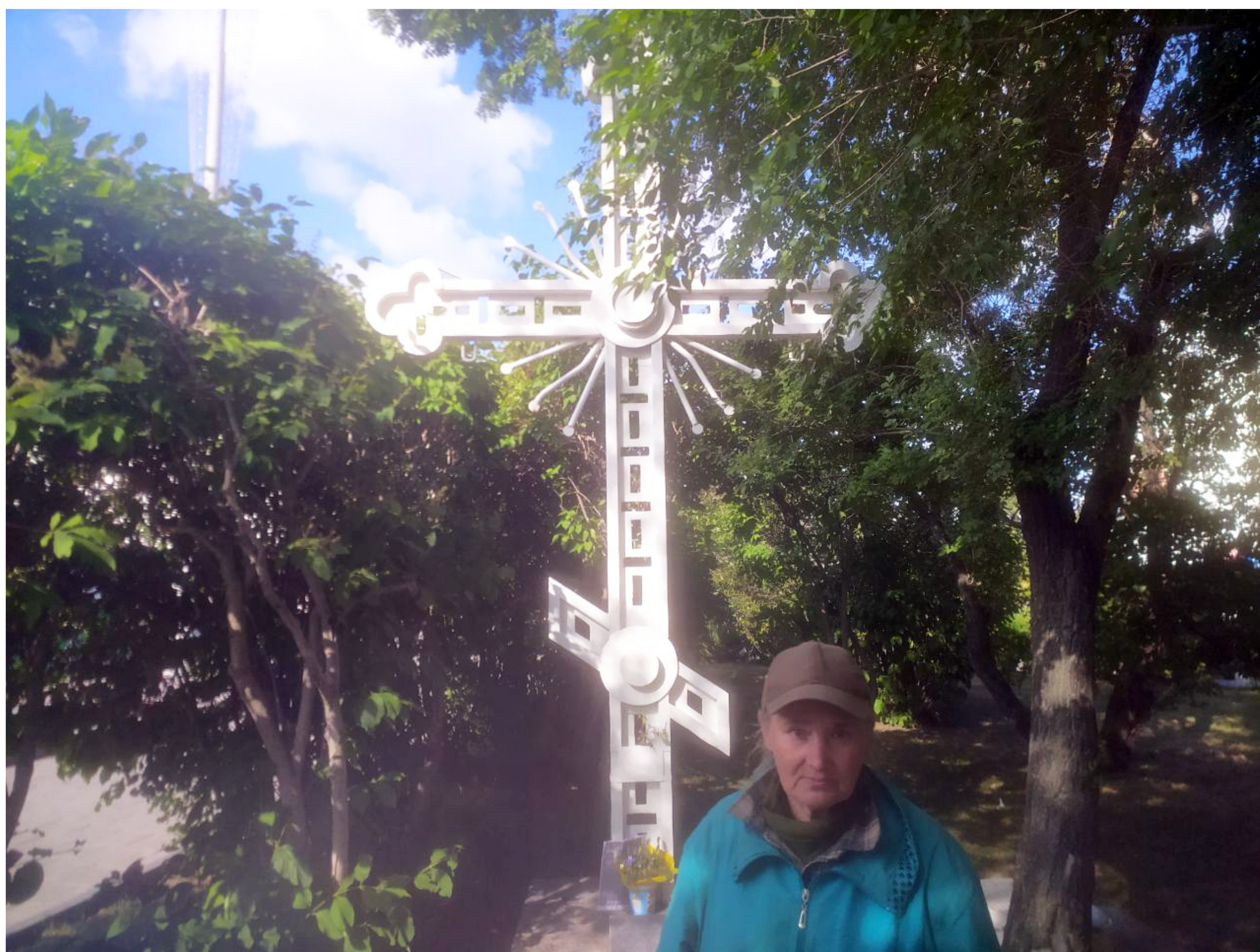
Из одного храма иду ночевать в другой — Спорительницы хлебов. Перед этим беру пенку — строго, как сказано в распоряжении монастыря, одну в руки и до половины шестого утра. В церкви на полу

спят десятки человек, приходится глядеть под ноги и искать себе место крайне осторожно. Нахожу — под большой иконой Богородицы.

«Только те, кто со мной, спасутся»

Большая часть информации о прошлом отца Сергия стала публичной благодаря журналистке и православной активистке Раисе Ильиной, которая больше десяти лет следила за его деятельностью. В миру схимника звали Николай Романов. Он родился в 1955 году в Горьковской^[6] области, но в зрелом возрасте переехал в подмосковное Пушкино, где устроился работать в милицию (до этого Романов окончил в Омске милицейское училище). Проработал там он недолго — сбил пешехода, тот умер. После милиции Романов устроился в московский магазин №28.

Раиса Ильина. Фото: Дмитрий Сидоров («Такие дела»)

«Примерно в это время его жизни, не знаю уж по каким мотивам, трое человек, включая Романова, решили подвезти от железнодорожной станции одного командировочного гражданина. Обратили внимание, что при нем дипломат. Где-то в районе речки Подосиновки они решили малость пограбить его. Один из них во время остановки зашел сзади, и десять раз ударил его по голове монтировкой», — пересказывает Раиса [документы](#) судебного расследования.

Ограбленный попутчик погиб, его тело Романов вместе с подельниками забросал на набережной бетонными плитами. Будущий схиигумен Сергей отсидел 12,5 лет в Нижнетагильской ИК-13. Выйдя на свободу в 1997 году, он остался на Урале и пошел «по разным нашим религиозным организациям», рассказывает Раиса.

Романов много времени проводил в храме Иоанна Предтечи на Ивановской горке в Екатеринбурге, на тот момент главном храме епархии. Там встречался с тогдашним екатеринбургским архиереем Викентием и после этих встреч ушел в монастырскую жизнь. Владыка отправил новоиспеченного монаха в строящуюся обитель в урочище Ганина яма — месте, где большевики избавились от тел расстрелянной царской семьи.

«Как верующий человек, Романов был ноль. Но владыка Викентий взял его за определенную деловую хватку, — предполагает Ильина, — Он хорошо умел и умеет выманивать у строительных организаций стройматериалы. Умеет выкручивать руки людям».

Сейчас Романов приписывает себе строительство монастыря Святых Царственных Страстотерпцев на Ганиной Яме. «Но строительством монастыря занималось управление капитального строительства компании УГМК Андрея Козицына, — возражает Ильина, — Монахи там [помогали] так: поднеси-унеси».

В 2000 году Сергей стал первым игуменом монастыря. Он возглавлял обитель пять лет. Сейчас в Ганиной яме нашему корреспонденту сказали, что не помнят отца Сергея. Местный монах на вопрос об участии Романова в строительстве монастыря посоветовал задать его самому схиигумену. «Он был послушником здесь. Послушники — это не участники строительства», — заключил насельник.

«Я в семинарии учился в 2006 году, и уже тогда слышал странные вещи про царебожничество отца Сергея, что он заставлял людей на исповеди каяться за расстрел царской семьи. Настоящий он монах, но книжек начитался не тех», — рассказал клирик, проработавший в обители на Ганиной яме десять лет на светской должности.

В 2001 году Викентий рукоположил Сергея в сан иеромонаха. Согласно канонам православной церкви, человек, совершивший убийство, не может стать священником. Романов утверждает, что его монашеский путь благословил патриарх Алексей II и всем было известно о содеянном им смертном грехе. Но патриарх давно умер, и проверить это не представляется возможным, считает Ильина.

Кроме того, рассказала активистка, у отца Сергия нет никакого духовного образования. «Коммерсант» пишет, что в 1998 году Романов поступил в Московскую духовную академию. Окончил ли он учебное заведение — не сообщается.

В 2000-е годы начинается резкое восхождение Сергия. В 2002 году его назначают строителем и духовником женского монастыря в честь иконы Божией Матери Спорительницы хлебов. Обитель откроют в 2005 году. При этом Романов обзаводится многочисленными адептами: Натальей Поклонской, хоккеистом Павлом Дацюком, уральскими политиками и даже криминальными авторитетами, которые вместе финансируют его грандиозное строительство.

Среди простых прихожан Сергей прослыл чудотворцем и «святым старцем». Люди приезжают к нему со всех уголков страны. По словам Ильиной, многие, встретившись со схиигуменом, бросают свою прошлую жизнь.

Прихожане монастыря. Фото: Павел Лисицын / РИА Новости

«Женщина приезжает в монастырь, несколько дней молится, попадает под влияние Романова, и он говорит: а что ты, езжай в свой Бердск, продавай дом, вывози деньги, приезжай сюда и будем спасаться вместе. Только те, кто будет со мной, спасутся», — описывает Ильина «схему» вовлечения в общину Романова взрослых людей.

«Эта женщина, когда я с ней общалась, держала на теле, ближе к животу, фотографию Романова. Я говорю: все нормально вообще, мать? Она: ну это же батюшка Сергей, он помогает, я таким образом успокаиваюсь, — вспоминает Ильина, — Вообще-то говоря, это язычество, оккультизм. Когда он говорит, что спастись возможно только с ним, он крадет у Христа способность к спасению».

День III. Где тестирование, там и чипирование

В шесть утра на утреню в Храм Святой Троицы собираются, кажется, все пятьсот обитателей монастыря. Службу ведет сам схиигумен Сергей — стоит в средней его части за аналоем^[7], прихожане выстроились полукругом и почти все обращены к нему. На Сергии, в отличие от других батюшек до этого, нателный микрофон, разносящий его голос через динамики по всему храму и всей территории монастыря. Начинает он с проповеди, в которой повторяет свои программные тезисы.

Схиигумен Сергей с прихожанами. Фото: Павел Лисицын / РИА Новости

Все события последних дней, считает Сергей, происходят из-за того, что он разворошил само «логово ХаБаДа, логово хасидов» — управляющих мировым правительством «жидов», ожидающих скорое пришествие «Мошиаха — Антихриста».

Один из таковых — «жид» схиархимандрит Авраам (Рейдман), не менее популярный, чем отец Сергей, уральский схимник. Его духовное чадо, протоиерея Георгия Викторова, епархия назначила новым официальным духовником Среднеуральского женского монастыря. А также «друг Рейдмана, жид» Александр Дворкин — московский «сектовед», не раз называвший общину схиигумена Сергея «экстремистской сектой».

Ковид, признает Сергей, существует, но это просто грипп — которого испугался митрополит Кирилл, испугался Священный Синод, испугался патриарх Кирилл, испугался президент — но не уральский

схиигумен. Сергей подтверждает, что конфликт с ушедшей в Екатеринбург игуменьей Варварой (Крыгиной) произошел из-за коронавируса — она обнаружила признаки инфекции у нескольких монахинь и захотела отправить их на тесты, на что Сергей вспылил: «Где тестирование, там и чипирование».

Сергей прохаживается по своим же. «"Как жалко матушку Варвару". Вы чего, совсем что ли?! Вы совсем обнаглели?! А меня вам не жалко? Пришли в семью чужаки, и выкинули из нее отца. А вам Варвару жалко!» — кричит он в лица прихожан. Он выводит маленькую хрупкую девочку в черном, и продолжает: «Посмотрите: вот хрупкое дитя, а в лесу живет, в скиту, годами. А вы бы попробовали хотя бы три дня! Вот чистое дитя! А ваши дети все в интернете, все в телевизоре, все с демонами!».

Дальше переходит к позитивной повестке — напоминает пастве про свои эксклюзивные функции. «Кому ты нужен? Ну кому ты нужен кроме меня?» — обхватывает он за шею парня в инвалидном кресле. «Никому, только вам», — покорно отвечает тот. «Вот именно! О раковых я забочусь, об инвалидах, больше никому они не нужны!» — победно восклицает схиигумен. Напоминает и про свои уникальные «заклинательные молитвы», направленные на исцеление тяжелобольных. И про отчитку — изгнание бесов — которую как раз будет сейчас проводить.

К Сергию выводят двух женщин, монахиню и мирянку. Они поочередно, с интервалом в десять

секунд, издают страшные звуки, как будто их тошнит. Привычным жестом он хватается за шею монашку и гудит наигранным голосом:

— Ду-у-х! Назови себя!

— Интернет! — изображает монашка неестественный бас.

— Д-у-ух! Назови себя! — подходит экзорцист ко второй женщине.

— Чародей! — верещит та.

Разобравшись с именами, Сергей начинает отчитку. Сумбурно бормочет чин, постоянно меняя скорость и делая резкие паузы, женщины все громче издают звуки мучений, прихожане все быстрее крестятся в сторону батюшки. «Изыди дух табака, изыди дух алкоголя, изыди дух блуда, изыди дух интернета, изыди дух телевизора, изыди дух айфона», — перечисляет батюшка. Выхожу из храма — пора найти мать Татьяну (в которой я в первый день увидел, как мне показалось, корень несогласия).

В результате долгого выслеживания замечаю ее заходящей в раковую больницу и иду следом. Догоняю и прошу о разговоре с глазу на глаз. Раскрываюсь как журналист и прошу о разговоре на анонимной основе: «Ведь вы, кажется, не в восторге от происходящего».

Монахиня недоумевает: «С чего вы это взяли?»

Напоминаю ей ее слова, что монастырь не собирает подписи в поддержку батюшки.

— Сами насельники монастыря — нет. Это организовали все приезжающие сюда паломники. Они написали этот текст, и бланки все находятся у них. В монастыре этих бланков нет.

— То есть вы не против происходящей духовной тирании?

Разглядываю, во время долгой паузы, округлившиеся зеленые глаза, — они непроницаемы.

— Вы чего хотите-то? Все, что делает отец Сергей, он делает правильно, — так же строго, как в первый раз отрезает монахиня и уходит.

Направляюсь к выходу из монастыря. Уже через пару минут, ближе к воротам, меня настигает знакомая синяя «десятка».

— Вот он, вижу его, — говорит с кем-то по телефону бородатый водитель, — Привести? Нет? Ладно, щас поговорю с ним.

Выходит из машины, протягивает руку.

— Привет, меня Андрюха зовут.

— Меня Дима, — рукопожимаемся.

— Дима, а вы журналист, да? Вам на выход. Вас сюда больше не пустят. Всего доброго.

Кормящий ландшафт

33-летняя москвичка Алиса Макарова рассказывает, как поехала в монастырь к отцу Сергию после

случайной встречи с ним в аэропорту Домодедово. «Уже зарегистрировалась на рейс [в Ирландию], смотрю, батюшка стоит, и не просто батюшка, а схимник. Ну а я как человек верующий и на тот момент православный решила, что правильно было бы подойти и взять благословение», — вспоминает Макарова.

После короткого диалога схимник пригласил девушку в монастырь и взял ее контакты. Они были на связи все три месяца, пока девушка была за границей. Вернувшись из Ирландии, девушка отправилась в Свердловскую область. «Я хотела тогда посвятить свою жизнь Богу, и подумала, что это наверное не то, чтобы шанс, а... пришло время», — говорит Макарова.

Девушку в монастыре приняли «очень тепло, радушно», поселили в «одной из лучших келий», бывшей игуменской, со всей необходимой мебелью и ковром. По ее словам, она «готова была принимать постриг чуть ли не сразу», но покинула обитель всего через неделю по причинам, в которые не углубляется. При этом об отце Сергии у нее скорее положительные воспоминания.

Среднеуральский женский монастырь. Фото: Владислав Лоншаков / Коммерсант

«Иногда кажется, что он бывает как-то грубоват или резковат, но это опять же возможно свойство его характера. Но он не грубиян, не хам, человек такой очень активный, деятельный», — говорит Макарова. — В конфликте с епархией она занимает скорее его сторону: «Он никого не захватывал, просто вернулся в свой монастырь, который он строил. Поскольку он человек такой эмоциональный, по моему мнению где-то мог и перегнуть палку, но опять же, если он в чем-то убежден, он на этом стоит до конца».

В середине мая, за месяц до того, как конфликт схиигумена Сергия с епархией перешел в открытую фазу, но уже активно распалялся схимником, в православной блогосфере разошлось видео, в котором девушка по имени Христина Савушкина, по ее словам, прожившая в Среднеуральском монастыре с 2004 по 2010 год, рассказала о пережитом моральном и физическом насилии.

Сейчас видео уже удалено с *You Tube*, но нам удалось ознакомиться с его сохраненной копией. Сказанное в нем перекликается с содержимым [статьи](#) об издевательствах в Среднеуральском монастыре, опубликованным изданием *66.ru* с измененными именами героев. Несмотря на призывы в видео распространить информацию о ситуации в монастыре, с нами девушка разговаривать не стала.

В первой части своего видеообращения Самушкина рассказывает о чудовищном состоянии медицины в монастыре, из-за которого скончалась ее онкобольная духовная мать Татьяна. «В смерти Тани виноват схиигумен Сергей Романов и Крыгина Варвара. Никто не виноват, что человек умер от рака. Но эти люди знают, что виноваты они в том, что нет никакого медицинского освидетельствования в этом месте», — заявила Самушкина.

По словам девушки, ее знакомая светский врач, делавшая медосмотры в монастыре, перестала посещать его «из-за того, дословно, что медицина там — это боль». Онкозаболевания диагностируются на 3-4 стадии, «когда уже ничего нельзя сделать», а больным детям дают лекарства, предназначенные для взрослых, — экономии ради, «ведь надо на что-то строить Софийский собор с 25-этажный дом».

«Я сама лично чуть не стала жертвой [монастырской медицины], когда в 2009 году три недели меня [при сильном недомогании] мазали святым маслом и говорили, что меня бесы крутят, предлагали лечиться исповедью и причастием. И всем было пофиг до того момента, пока моя Таня не добежала до отца Сергия

и не сказала ему: "Вы чего, люди. Отец Сергей, у нее температура 40, она в бреду лежит в своей келье, ее надо везти в больницу". До этого момента никто не шелохнулся», — вспоминает Христина.

Не заботились в монастыре и о психологической сохранности детей, утверждает Самушкина. В возрасте 10 или 11 лет Христина, трудясь в монастырском козлятнике, столкнулась с голым по пояс «братом Виктором», чье послушание в монастыре заключалось в «воспитывании отроков»: «Его заставлял отец Сергей бить детей, бить отроков, бить девчонок». «Этот человек позвал меня к себе в келью посмотреть иконки. Ну естественно, я смотреть иконки очень люблю, я пошла, потому что ну как».

Зайдя в келью к брату Виктору, рассказывает Христина, она услышала звук передернутого затвора, — и, обернувшись, увидела наставленное на нее ружье. «Это была минута, когда я просто застыла и ничего не могла ни сказать, ни сделать», — вспоминает девушка. Паузу прервало «ржание» Виктора, он опустил ружье и сказал: «Да ладно, я же пошутил, ты че паришься-то». Христина рассказала, что расскажет об этом случае своему отцу, на что послушник, утверждает она, ответил: «Ты же понимаешь, твой батя, когда сюда приезжает, мы же с ним сидим в братской. Дак вот, я твоему папе глотку перережу и все».

«В одном месте люди сидевшие и дети находиться не могут. Съездите к Романову и узнайте, каких

ублюдков он принимает в монастырь», — призывает Христина зрителей.

Православная активистка и журналистка Раиса Ильина подтверждает, что общалась со служившим у отца Сергия (Романова) иноком, послушанием которого было бить детей: «Он прямо спокойно мне говорил: да, я избивал их. Да, непослушных, да, грубых, да, пацанов. Но избивал».

Одна из девочек, которую в келью постоянно приходили «бить», вышла из обители с диагнозом ВИЧ, утверждает Самушкина. «Это подводит меня к одной мысли: что там насиловали детей. Когда я задала этот вопрос конкретно [этой послушнице], она мне сказала: Христина, я не хочу об этом разговаривать, ведь если бы не отец Сергей, я бы в детском доме была».

«Этого человека с его деятельностью нужно брать под жесткий контроль, — делает вывод Христина и задается вопросом. — Зачем он берет детей и усыновляет, с какой целью? Для чего?»

К ответу на него приблизилась журналистка Раиса Ильина. В нулевых-начале десятых к ней неоднократно обращались родители, чьи дети начинали отчуждаться от них в монастыри Русской православной церкви — в том числе и в Среднеуральский женский. В 2011 году, рассказывает Ильина, к ней обратилась женщина, чья дочь попала в «нехорошую компанию». Под таковой имелся в виду Среднеуральский женский монастырь.

«Так поступают так называемые монастыри, которым нужен постоянный кормящий ландшафт. Его создают семьи людей, которых они туда заручают», — объясняет активистка.

Ильина описывает принцип, по которому Романов отчуждает детей: он начинает осваивать новую территорию, покупает в удаленном селе дом, завозит в него послушниц и оставляет их с какой-то едой, их родители даже не оповещаются о таких передвижениях. Оттуда, как правило, тяжело самостоятельно добраться до цивилизации и там нет нормальной сотовой связи. Девочки, предполагает Ильина, находятся в ротации между «базой» под Среднеуральском и удаленными скитами.

Вскоре история повторилась — к Ильиной обратилась предпринимательница из Магнитогорска. Ее дочка, учившаяся в архитектурном институте, тоже «попалась на глаза» Романову в какую-то из паломнических поездок. Ее он, утверждает активистка, отправил в скит в труднодоступной тайге в трехстах километрах севернее Екатеринбурга. Зимой туда можно добраться только на вездеходе или по зимнику, автомобильной дороги туда нет.

В 2013 году Ильина обратилась к прокурору и начальнику ГУВД Свердловской области с просьбой проверить факты пропажи людей и переселения их в этот удаленный скит. Скит по следам Ильиной нашли журналисты уральского издания *66.ru*, он действует и сейчас.

«Думаю, что Романов должен бояться не власти, а самосуда родителей. Папа этой девочки был офицер

ракетных войск стратегического назначения. Когда ее мать поняла, что ситуация очень серьезная, она сказала мужу: надеваешь форму, и идешь туда [в Среднеуральский женский монастырь], без дочери не возвращайся. Тот надевает форму, идет туда, подходит к Романову и говорит: ты же понимаешь, если сейчас не отдашь дочь, я приду сюда с бойцами и положу вас тут всех», — утверждает Ильина. Романов, будучи «трусливым подонком», вскоре перевез девочку обратно «на материк» и вернул в семью.

После нескольких обращений матерей Ильина в 2013 году пошла к министру образования и молодежной политики Юрию Биктуганову. Ведомство отправило в монастырь на проверку двух женщин-специалистов из отдела надзора за заведениями для детей с трудной судьбой. Результат проверки: «Не заметили повода для вмешательства нашего министерства».

Мы направили в ведомство запрос с просьбой подтвердить эту информацию.

Христину Самушкину можно увидеть на недавнем видео со съемок фильма Ксении Собчак на ту же тему. Во время работы над фильмом, один из сотрудников съемочной группы получил травму — ему сломали руку. Комментариев со стороны обители не последовало.

Ксения Собчак и съемочная группа, на которую было совершено нападение.
Фото: UKA.RU / TASS

Заместитель председателя Синодального отдела Московского патриархата по взаимоотношениям церкви с обществом и СМИ Вахтанг Кипшидзе сказал, что, по его мнению, любое нападение должно расследоваться: «Исходя из этого должна определяться необходимая мера реагирования на подобный инцидент. В любом случае, как вам хорошо известно, в Среднеуральском женском монастыре находится игумен Сергей Романов, который находится под церковным судом. Уже было два заседания церковного суда, и ожидается продолжение судебного процесса». По его словам, Романов «объяснений церковному суду не дает, выступает со смущающими церковных людей заявлениями, поэтому неудивительно, что вокруг него могут происходить самые неожиданные, в том числе насильственные вещи».

*Редакторы: Анастасия Лотарева («Такие дела»),
Дмитрий Трещанин («Медиазона»). При участии Вики
Рожницыной.*

-
1. Помазание лба верующего освященным маслом — елеем.
  2. Большинство храмов Свердловской области не было закрыто на время эпидемии.
  3. Как и подавляющее большинство европейских стран, Австрия ввела строгий карантин в марте. Меры по изоляции оказались результативными, и власти постепенно с 14 апреля постепенно ослабляли ограничения.
  4. Специальная ложка для причастия.
  5. Монастырь Святых Царственных Страстотерпцев.
  6. Теперь — Нижегородская.
  7. Высокий столик перед иконостасом. На него кладут либо икону, либо святцы.